

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. А. Бачинин

Историко-социологическое
россиеведение как методологическое
поле альтернативных дискурсов

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Bachinin.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ДИСКУРСОВ

В настоящее время такое понятие, как *россиеведение* уже почти никому не режет слух. Встречающееся все чаще на страницах отечественных изданий, как научных, так и учебных, оно вполне доказало свое право на существование. Среди разнообразия его возможных проблемных направлений, вероятно, должно занять свое законное место и *социологическое россиеведение*. Уже существующее *de facto* во множестве социологических исследований проблем российского мира, оно обретает на наших глазах имя, а с ним и законные права самостоятельной теоретической дисциплины, в том числе собственные объект и предмет.

Объектом социологического россиеведения, весьма нуждающегося во всесторонней проработке своих методологических оснований, выступает вся та гигантская макросоциальная, геосоциальная реальность, которую мы обозначаем понятием *российский социальный мир*. Аналитическая оптика указанной дисциплины, ее поисковый вектор сосредоточены не только на социальной материи, из которой скроено социальное тело России, но и на тех духовных силах, ценностях, смыслах, нормах, идеалах, интересах, верованиях, которые приводят в движение это социальное тело.

Что же касается предмета, а точнее, предметов социологического россиеведения, то их у него достаточно много — политика и экономика, право и гражданская жизнь, нравы и культура, религия и церковь, искусство и литература и т.д. У каждой из этих реалий имеется вполне конкретная социальная фактура, заслуживающая внимания социологов, нуждающаяся именно в социологическом анализе и в соответствующих интерпретациях. Актуальность этих задач несомненна, поскольку следует признать совершенно справедливым суждение о том, что «колоссальный исторический опыт СССР/России не только не осмыслен социологически, но даже толком не описан». Оставляет желать лучшего и состояние методологической платформы подобных осмыслений и описаний.

Весь тот дескриптивно-аналитический материал, который циркулирует в пространном поле социологического россиеведения и, на первый взгляд, кажется достаточно бесформенным информационным конгломератом, можно и даже необходимо, с целью относительного упорядочения, рассматривать в нескольких структурных ракурсах. Это позволит увидеть разнообразие предметных направлений и аналитических ракурсов — россиеведение историческое и ситуативное, макросоциальное и микросоциальное, парадигматическое и эмпирическое, секулярное и социально-теологическое и т.д. Не претендуя на охват всего этого огромного материала, ограничимся только одним проблемным срезом — попытаемся всмотреть-

ся в интересующее нас проблемное пространство историко-социологического дискурса сквозь призму диады *секулярное-теологическое*.

Историческая социология, как дочернее ответвление от общей социологии, унаследовала от «родительницы» характерный дух секуляризма. Однако параллельно существовал отдельный цех аналитиков, которые в своих трудах позиционировали себя как христиане, не боясь обвинений в «консерватизме» и «ретроградстве». Среди них мы обнаружим Ф.М. Достоевского, Вл.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Г.В. Флоровского, Г.П. Федотова, Е.В. Спекторского, П. Тиллиха, К. Шмитта, Ж. Маритэна, братьев Рейнхольда и Ричарда Нибуров, К. Барта и многих других. Следует признать, что, какими бы мировоззренческими критериями мы ни пользовались и как бы мы их не маркировали, несомненно, одно: этих мыслителей, несмотря на их «религиозные предрассудки», отличают такие черты, как ярко выраженный социальный темперамент, отчетливая социологическая ориентированность их исторического сознания, глубинная мировоззренческая фундированность всего строя аналитического мышления. О том, что они совершили на познавательном поприще, о принадлежащих им трудах нельзя сказать, что это *неизвестная историческая социология*. Нет, она широко известна и пользуется не меньшим признанием, чем ее секулярная сестра. Но, увы, в тех ученых кругах, где господствует академический секуляризм, ее не то, чтобы подвергают дискриминации, нет, о ней часто просто забывают упомянуть.

Контрсекулярную историческую социологию или *историческую теосоциологию* (позволим себе такие ее обозначения, за неимением лучших) отличают, по меньшей мере, две существенные особенности. Во-первых, в предметное пространство историко-социологического анализа включается религиозная составляющая, которая рассматривается не как нечто необязательное и периферийное, но как существенная реальность, без учета которой невозможно аутентичное понимание важнейших социально-исторических явлений и процессов. Во-вторых, историческая теосоциология оказывается, по сути дела, *исторической теoантропосоциологией*, рассматривающей человека социального как человека религиозного / безрелигиозного, чьи конфессионально детерминированные или секулярно окрашенные мотивационные структуры оказывают прямое воздействие на осуществляемые им социальные трансформации.